
На следующий день

Небо едва брезжило серым рассветом.

— Ну и погодка... — Е Хуай потер глаза и шмыгнул носом.

Цзян Ту, которому в этот миг юноша до боли напомнил крупного пса, настороженно озирающегося на чужой территории, невольно покачал головой:

— Ну и что ты там учуял?

Е Хуай ненадолго замолк.

— Очень неприятный запах. Тяжелый какой-то.

Цзян Ту коснулся его шеи теплой ладонью:

— Не выпался ночью?

Кончик носа Е Хуая странно порозовел. Разумеется, он ни за что на свете не признался бы, чем занимался прошлой ночью за тонкой перегородкой. От одной лишь мысли об этом его бросало в жар от стыда. Юноша судорожно сглотнул и молча опустил глаза, признавая поражение.

— Сегодня на Турнире Мечей Ци Чжао наверняка попытается отыгаться на тебе, — ровным голосом произнес Цзян Ту. — Если чувствуешь слабость, скажи главе ордена, пусть исключит тебя из списков.

Официально эти ученические поединки именовались испытанием меча, в обиходе же их попросту звали состязаниями.

Е Хуай взглянул на него с тихой признательностью:

— Учитель...

— Меньше позорить меня будешь, — отрезал Цзян Ту без тени жалости.

— А... — Е Хуай понурил голову, но тут же упрямо добавил: — Все в порядке, учитель. Я его не боюсь. Пусть только попробует.

Цзян Ту лишь усмехнулся в ответ.

Обители Ордена Прихода и Ухода располагались на самых задворках, поэтому выходить приходилось затемно, чтобы не опоздать к началу.

Чэн Жан плелся позади, то и дело зевая во весь рот:

— Вставать ни свет ни заря... И ведь на этой горе Просветленного Сердца летать на мечях запрещено! Видите ли, это нарушает покой духовных жил. Какая глупость! Сами-то небось летают только так...

Словно в подтверждение его слов, над их головами с тихим свистом пронеслись золотистые силуэты. Адепты горы Просветленного Сердца преспокойно парили на мечях со стороны внутренних покоев; в одно мгновение они обогнали идущих пешком и скрылись из виду.

Чэн Жан тихо выругался и невольно ускорил шаг.

Несмотря на поспешность, к моменту их прибытия жеребьевка первого тура уже завершилась.

Гора Просветленного Сердца, привыкшая держать все бразды правления в своих руках, не собиралась уступать гостям ни в чем. Все организационные вопросы они решали сами, включая распределение жребия.

Несколько адептов как раз убрали бамбуковые стаканы с табличками. Поклонившись, один из них доложил:

— Третий господин, все готово.

Тот, кого называли Третьим господином, оказался плотным, тучным мужчиной. Круглый живот заметно натягивал дорожную шелковую ткань одеяния его ордена.

— Славно, славно. Благодарю за службу, — добродушно рассмеялся он и повернулся к собравшимся внизу представителям Среднего царства. Сложив ладони в приветствии, он зычно произнес: — Уважаемые собратья по дао! Накажите своим ученикам не усердствовать излишне. Поединки товарищеские, проливать кровь и забирать жизни строго запрещено!

Объявив начало состязаний, он неторопливо сошел с помоста.

— Это Ци Фэнчэн, третий старейшина горы Просветленного Сердца, — негромко пояснил Чэн Жан. — Пожалуй, из всех двадцати с лишним старейшин он относится к выходцам из Среднего царства дружелюбнее всех. Вот только талантом его небо обделило: за столько лет едва дотянул до третьей ступени совершенствования.

Байцзэ огляделся по сторонам, выискивая кого-то в толпе:

— А где тот заносчивый юнец, который вчера тут командовал?

— Кто знает, — безучастно отозвался Цзян Ту.

Ему-то причина была известна: после вчерашнего позора Ци Чжао отстранили от распоряжения турниром, заменив его на этого благодушного с виду толстяка Ци Фэнчэна.

Орден, прибывших для участия в Ритуале восполнения небес, было без счета. Чтобы не затягивать состязания, арену разделили на шесть отдельных площадок.

Поскольку имя Е Хуая в первом туре не прозвучало, Цзян Ту отыскал самый безлюдный уголок на трибунах, и они уселись рядом.

Чужие бои Цзян Ту не занимали. Он оживлялся лишь тогда, когда на арену выходили adeпты его собственного ордена.

Зато остальные зрители так легко самообладание не теряли. То и дело с разных сторон долетали восторженные крики, а иногда и яростные споры о том, честно ли был нанесен удар.

Их азарт легко можно было понять: на кону стояла честь родного ордена и редкий шанс заявить о себе перед лицом великих сект. Каждый мечтал вписать свое имя в будущие Скрижали бессмертных.

Спустя некоторое время Е Хуай легонько коснулся плеча наставника:

— Учитель, смотрите. Это он.

Цзян Ту проследил за его взглядом. На одну из арен медленно, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, поднимался хрупкий, невысокий юноша с зажатым в руках пыльным бичэнем.

Это был Ци Лунси.

Странное дело: стоило Ци Лунси ступить на помост, как к этой площадке тут же хлынула толпа зевак. Судя по одеждам, это были вовсе не соратники его соперника, а обычные любители

праздного зубоскальства.

— Это он? Тот самый никчемный уродец из клана Ци?

— Да, он. Подумать только, покойный Ци Ян к двадцати семи годам уже достиг земной ступени! Нынешний второй молодой господин Ци Чжао в свои двадцать с небольшим замер на пике третьей ступени... В их поколении талантливых мастеров не счесть, и только этот недотепа до сих пор прозябает на первой.

— Теперь понятно, почему шепчутся, будто старик-глава в последнее время занемог. С таким-то позором в семье и слечь недолго.

— Да ну? Глава ордена болен? Откуда такие слухи?

— Поговаривают...

Цзян Ту прислушался к их пересудам, но не успел уловить деталей — на арене грохнуло.

Поднялось облако пыли. Сопернику Ци Лунси хватило одного короткого взмаха меча, чтобы снести юношу с ног. Тот вылетел за пределы площадки и кубарем покатился по каменным ступеням вниз.

Приподнявшись на локтях, Ци Лунси тяжело, надрывно закашлялся, сплевывая кровь на истоптанную землю. Лицо и одежда его покрылись грязью и ссадинами — зрелище было поистине жалкое.

Падение за черту означало мгновенное поражение. Бой закончился, едва успев начаться.

Зрители разочарованно загудели.

— Пустышка и есть пустышка. Будь я на месте главы ордена, давно бы выгнал его взашей.

— Хотя его соперник — на средней стадии второй ступени. Для его возраста весьма недурно, так что исход был предрешен.

— А как, кстати, зовут этого бедолагу?

— Да кто станет запоминать имя ничтожества? Тьфу, смотреть тошно.

Толпа быстро потеряла интерес и разошлась.

Цзян Ту задумчиво смотрел на поверженного юношу.

Обычно проигравших учеников тут же окружали заботой наставники или соученики: помогали подняться, перевязывали раны. Но Ци Лунси остался совершенно один. Изнемогая от боли, он медленно поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел прочь. Дежурившие у арены адепты горы Просветленного Сердца брезгливо отворачивались, делая вид, что не замечают его существования.

Он на миг оказался под слепящими лучами солнца — жалкий, презираемый всеми, — и поспешил укрыться в густой тени деревьев.

Там, в полумраке, что-то шевельнулось.

Черный кот Сюэлянь мягко скользнул к его ногам и потерся о лодыжку. Ци Лунси едва заметно улыбнулся, утер рукавом кровь с лица, и они вдвоем бесшумно растворились в лесной глуши.

Цзян Ту отвел взгляд.

— Первый тур завершен.

Заметив, как с противоположной стороны из резного павильона, предназначенного для отдыха хозяев турнира, величаво спускается Ци Чжао, он негромко бросил ученику:

— Приготовься. Сейчас начнется.

Ждать беды долго не пришлось.

Распорядители огласили списки второго тура. Среди имен десятков избранных адептов прозвучали и те, что предвидел Цзян Ту: Е Хуай и Ци Чжао.

Адептам надлежало подняться на помост и вытянуть жребий из огромного бамбукового сосуда, чтобы разделить на пары по цветам.

Голос глашатая разнесся над площадью:

—... Орден Прихода и Ухода, Е Хуай!

Юноша почтительно поклонился наставнику:

— Учитель, я пошел.

Е Хуай направился к трибуне уверенной, размеренной походкой, держа спину неестественно прямо. Каждое его движение казалось тщательно выверенным и слегка натянутым, однако природная стать и благородный облик с лихвой окупали излишнюю чинность манер.

Провожая его взглядами, зрители то и дело переговаривались, силясь угадать, из какого ордена явился этот статный юноша.

Подойдя к помосту, Е Хуай запустил руку в сосуд и извлек бамбуковую палочку с красным наконечником.

Он протянул ее распорядителю. Тот взглянул на метку, замер на мгновение и вдруг ехидно фыркнул.

Затем, набрав в грудь воздуха, он прокричал на всю площадь:

— Красный жребий! Орден Прихода и Ухода, Е Хуай, против... второго молодого господина горы Просветленного Сердца, Ци Чжао!

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Даже те, кто до этого лениво блуждал взором по аренам, в мгновение ока бросились к их площадке.

Кто? Против кого?!

Орден Прихода и Ухода и без того привлекал излишнее внимание, но его соперник...

Сам Ци Чжао! Наследник великого клана, без пяти минут глава горы Просветленного Сердца!

К тому же, достигший невероятного для своих лет уровня совершенствования — пика третьей ступени!

Такое зрелище пропускать было нельзя.

Нахлынувшая толпа безжалостно оттеснила Цзян Ту назад. Оглянувшись, он заметил с трудом протиснувшихся сквозь людской поток Чэн Жана и Байцзэ. На лицах обоих застыл неподдельный ужас.

Цзян Ту на их фоне казался воплощением ледяного спокойствия. Поймав устремленный на него взгляд Е Хуая, он лишь едва заметно кивнул юноше.

То, что для толпы стало сенсацией, они обсудили еще до начала состязаний.

Ударил гонг.

Противники сошлись в центре арены под пристальными взглядами сотен зрителей. Окружавшие помост люди затаили дыхание в предвкушении яростной схватки.

Вот только кое-кто из участников этого зрелища совершенно не заботился о своей репутации.

Е Хуай аккуратно снял верхнее тренировочное одеяние, свернул его в безупречно ровный прямоугольник и, прижав к груди обеими руками, уставился на Цзян Ту преданным взглядом.

Цзян Ту вздохнул и забрал одежду. Пока наставник Ци Чжао что-то торопливо внушал своему подопечному, Цзян Ту вновь натолкнулся на полные робкой надежды глаза ученика.

Е Хуай никогда не просил ни о чем напрямую, предпочитая, чтобы учитель сам догадался о его желаниях. Цзян Ту это вечно забавляло и злило одновременно, но он всегда безошибочно угадывал чужие мысли.

Понимая, что долг наставника велит ему сказать напутственное слово, он слегка приподнял подбородок:

— Помни...

— Я не опозорю ваше имя, учитель! — горячо перебил его Е Хуай.

Цзян Ту на мгновение растерялся от такого напора.

«Ну и упрямый же малый» — мысленно покачал он головой и произнес вслух:

— Главное — уцелей. Вернешься живым и без тяжелых увечий — значит, не опозорил.

Иными словами, поражение его не волновало.

Чэн Жан торопливо вставил свои пять копеек:

— И то верно, Е Хуай! Если прижмет — прыгай с помоста. По правилам, вне арены он тебя и пальцем тронуть не посмеет. Ци Чжао — противник грозный, на самом пике третьей ступени. Не вздумай лезть на рожон.

— Благодарю за наставление, глава ордена, — вежливо склонил голову юноша, сделав вид, что согласен. Сложив ладони в прощальном жесте, он развернулся и ступил на ступени, ведущие к арене.

С каждым шагом в его мыслях крепла одна-единственная фраза:

«Учитель, я не проиграю».

Цзян Ту провожал его взглядом, пока Е Хуай не поднялся на помост. В этот момент кто-то бесцеремонно хлопнул его по плечу.

Байцзэ панибратски приобнял его за шею и весело сощурился:

— Господин Цзян, ну надо же, как вы распереживались! Спокойнее, спокойнее.

Цзян Ту наградил его ледяным взглядом:

— С чего мне переживать?

Глупости. Стал бы он волноваться из-за такого пустяка.

Байцзэ скептически хмыкнул и кивнул на его руки:

— Ну да, конечно. Только если вы продолжите так сжимать его халат, ваш драгоценный ученик вернется к груди лохмотьев.

— Помолчи, — процедил Цзян Ту, поспешно разжимая пальцы.

Байцзэ довольно рассмеялся и, придвинувшись ближе, прошептал ему на ухо:

— Господин Цзян... вам не кажется, что за время, проведенное в мире смертных, вы стали куда человечнее?

«Человечнее?» — Цзян Ту нахмурился, не понимая, к чему клонит этот несносный дух. Но развить мысль не успел: на арене Е Хуай и Ци Чжао, закончив с обязательным приветствием, принялись обмениваться любезностями.

Оба соперника едва перешагнули порог двадцатилетия. Юношеский пыл и давняя неприязнь друг к другу сделали свое дело — их слова так и брызгали ядом.

Ци Чжао начал первым:

— До меня дошли слухи, будто еще три года назад ты и порога ордена не переступал, а нынче хвастаешь третьей ступенью. Вчерашний спор вашего ордена с людьми из Ордена

Стремительного Ветра наделал немало шуму. Похоже, их сомнения возникли вовсе не на пустом месте.

* «Видать, такой же выскочка, как и твой наставник. Наглотался редких пилюль, а теперь корчит из себя великого мастера».*

Внутри Е Хуая мгновенно вспыхнуло яростное пламя. Он мог стерпеть любые оскорбления в собственный адрес, но никому не позволял порочить имя Цзян Ту.

— Помню, три года назад второй молодой господин изволил явиться в наш орден, — с вежливой улыбкой отозвался он. — Мне посчастливилось мельком увидеть вас. Вы и тогда пребывали на пике третьей ступени. Что ж, ваше упорство и постоянство в созерцании поистине заслуживают уважения.

* «Судишь по себе, бездарь, застрявший на одном месте на три года».*

Уголок губ Ци Чжао мелко задергался от злости.

— Хе-хе, — выдавил он из себя натянутый смешок. — Слышал я, что ваш орден не шикует, но чтобы молодой господин Е вышел на бой даже без защитных наручей... Это превосходит любые ожидания.

* «Нищий сброд, даже приличного доспеха раздобыть не смог».*

Е Хуай промолчал.

Ци Чжао уже праздновал маленькую победу, решив, что сопернику нечего возразить, как вдруг лицо юноши озарила обезоруживающе яркая улыбка.

Он демонстративно вскинул руку и потряс запястьем перед самым носом противника, словно хвастаясь перед толпой зрителей:

— Этот браслет вырезал мой учитель своими руками. Каким наручам сравниться с таким сокровищем?

* «Завидуй молча, у тебя-то такого нет».*

Стоявший внизу Цзян Ту медленно прижал ладонь к лицу. Ему до смерти захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы уйти отсюда как можно дальше.

Этот идиот словно нарочно испытывал судьбу! Неужели он так жаждал выдать тайну своей

кости Циляня? К счастью, мастерство самого Цзян Ту в резьбе по кости оставляло желать лучшего. С такого расстояния разобрать очертания священного зверя было решительно невозможно. Стоявшие рядом адепты уже всю шептались, пытаясь угадать, уж не собачий ли поводок повязал себе на руку этот странный юноша.

Глаза Ци Чжао налились кровью. Он процедил сквозь зубы:

— Жалкие безделушки не заменят мастерства. Хватит пустой болтовни, господин Е. Посмотрим, чего стоят твои умения на деле.

* «Сумасшедший ублюдок. Тебе конец».*

Е Хуай оскалился в ответ. С тихим свистом его костяной меч покинул ножны:

— Золотые слова. Прошу вас, второй молодой господин, покажите класс.

* «Сегодня я заставлю тебя ползать на коленях и молить моего учителя о прощении».*

Два потока духовной энергии третьей ступени, подпитываемые глухой яростью, с грохотом столкнулись в воздухе!

Раздался оглушительный взрыв.

Чтобы искры от ударов не ранили зевак, арену защищал мощный невидимый барьер. Зрители увидели лишь, как две ослепительные вспышки разминулись в воздухе, ударились изнутри в защитный купол и бессильно угасли, поглощенные магической преградой.

И хотя все понимали, что барьер надежен, неодолимая мощь этого столкновения заставила толпу в испуге отшатнуться. По рядам пронеслись сдавленные вскрики и охи.

На фоне яростной битвы двух мастеров третьей ступени поединки их соседей, едва добравшихся до второй, казались детскими играми в песочнице.

Когда пыль осела, взорам предстали противники. Е Хуай стоял, крепко сжимая рукоять меча; дыхание его слегка сбилось. Ци Чжао же замер напротив, непоколебимый как скала. Его клинок сиял безупречным, чистым светом драгоценной стали — оружие редкой и грозной красоты.

Рядом с этим великолепием костяной меч Е Хуая казался тусклым и невзрачным куском старой кости.

Ци Чжао не упустил случая уколоть побольнее:

— Молодой господин Е, неужто ваш орден настолько обнищал, что перед турниром не смог подыскать для вас достойного клинка? Мой Меч Небесного Наклона, к примеру, — артефакт земного класса. А это недоразумение в ваших руках...

Е Хуай до боли сжал пальцы на рукояти. Он молча смотрел на соперника, и в глубине его глаз разгорался опасный, звериный огонь.

Ци Чжао не имел ни малейшего понятия о том, чем был этот костяной меч для юноши.

Этот невзрачный клинок стал первым лучом солнца в его беспросветном, полном боли детстве. Он помог ему обрести силу, разорвать путы проклятой судьбы и выжить.

Это был дар его учителя.

И даже если бы перед ним положили тысячи прославленных мечей земного класса, он без колебаний променял бы их все на этот единственный подарок Цзян Ту.

Не замечая нависшей угрозы, Ци Чжао продолжал разглагольствовать:

— Если когда-нибудь снова решишься выйти на эту арену, попроси своего наставника расщедриться на приличный клинок.

Договорить он не успел.

Темный силуэт метнулся вперед с быстротой молнии!

Ци Чжао едва успел выставить блок. Удар оказался настолько сокрушительным, что его отбросило назад. Пятка зависла над самым краем арены. С трудом восстановив равновесие, он поспешно отступил вглубь площадки, тяжело дыша.

Эта внезапная атака заставила его насторожиться.

Откуда в этом мальчишке взялась такая сила?

Даже если списать все на минутную невнимательность, подобраться так близко и незаметно было невозможно.

Неужели этот безродный дикарь все это время сдерживал свою истинную мощь?

Разумеется, снизойди Ци Чжао до того, чтобы разузнать побольше о своем противнике, он бы не стал: он просто наступил на единственную мину, способную мгновенно лишить Е Хуая рассудка.

Отбросив спесь, Ци Чжао сосредоточил все силы.

Новая смертоносная волна ослепительного света уже неслась прямо к его лицу!

Костяной меч в руках Е Хуая вспыхнул золотистым пламенем. Молниеносным круговым движением он направил три мощных огненных потока, бьющих с разных сторон, зажимая соперника в тиски.

— Ха! Избитый прием! Видать, твой никчемный наставник ничему приличному тебя научить не сподобился! — презрительно бросил Ци Чжао. В ответ он взмахнул своим Мечом Небесного Наклона, высвобождая три встречные волны невиданной силы.

Среди зрителей кто-то из опытных мастеров меча одобрительно покачал головой:

— А парень не прост. Каждая из трех его атак выверена безупречно, для его лет это верх мастерства... Жаль только, разница в ступенях слишком велика. Против грубого превосходства в духовной силе никакие изыски не помогут.

Действительно, сияющие дуги Ци Чжао казались куда шире и плотнее огненных струй Е Хуая. С таким колоссальным разрывом в чистой мощи исход поединка казался предрешенным.

Так должно было случиться.

Но судьба распорядилась иначе.

В мгновение ока, когда сокрушительные волны Ци Чжао уже готовы были стереть в порошок атаку противника, Е Хуай резко выкрикнул:

— Слияние!

Три золотые дуги повиновались его воле и мгновенно слились в один исполинский поток. Словно бушующий предрассветный прилив, собравший всю мощь океана, объединенная волна устремилась вперед.

— Что за... — вырвалось у ошеломленного Ци Чжао.

Его собственные выпады рассекли пустоту, оставив на каменных плитах арены глубокие

борозды. Лишь одна из его волн столкнулась с золотым потоком Е Хуая, но под давлением чудовищной плотности энергии она мгновенно рассеялась.

Расклад сил изменился в мгновение ока.

Золотое пламя, не заметив преграды, хлынуло вперед, подобно мифической птице Пэн, не снисходящей до копошащихся внизу воробьев. Стихийная мощь обрушилась на наследника клана Ци.

Грохнуло так, что заложило уши.

Ци Чжао не успел уйти с линии удара. Его подбросило в воздух и швырнуло прочь. Сгорая от стыда под прицелом сотен глаз, он лихорадочно пытался перенаправить потоки ци в меридианах, чтобы вернуть равновесие и приземлиться на ноги.

Но стоило ему открыть глаза, как он оцепенел.

Прямо перед ним, в паре дюймов, светились яростным золотом звериные зрачки.

— Ты... — едва успел выдохнуть он.

В ту же секунду тяжелый кулак Е Хуая с хрустом врезался ему в челюсть!

Толпа ахнула.словно голодный хищник, настигший жертву, Е Хуай увлек противника за собой, впечатав его в землю со всей силы.

Они рухнули далеко за пределами арены. Формально бой был окончен, и победа принадлежала Е Хуаю, однако юноша и не думал останавливаться. Оседлав поверженного врага, он с глухим рычанием нанес новый сокрушительный удар в лицо Ци Чжао.

Раз за разом кулаки опускались на окровавленное лицо наследника. Зрители застыли в оцепенении, не в силах поверить в происходящее, пока Е Хуай методично избивал соперника.

— Попробуй еще раз открыть свою поганую пасть в сторону моего учителя! — рычал он, нанося удар за ударом.

Поспешившие на помощь распорядители расслышали лишь эти яростные слова.

В ту же секунду сотни удивленных взоров обратились к Цзян Ту.

Цзян Ту со вздохом покачал головой. Подойдя ближе, он ухватил Е Хуая за шиворот и без

особых усилий потянул назад:

— Е Хуай, довольно. Прекрати.

Этот негромкий голос подействовал мгновенно. Юноша тут же обмяк, шумно выдохнул и поднялся, брезгливо стряхивая с костяшек чужую кровь. Не произнес ни слова, он послушно спрятался за спину наставника, опустив голову.

Не оборачиваясь к ученику, Цзян Ту сложил ладони в вежливом приветствии перед хныкающим на земле Ци Чжао, чье лицо превратилось в сплошное кровавое месиво. Он склонился в глубоком поклоне:

— Прошу великодушно простить за этот инцидент, второй молодой господин Ци. Мой непутевый ученик впервые участвует в столь почтенном состязании и совершенно не умеет соизмерять силы. Примите мои глубочайшие извинения за его грубость.

Е Хуай робко потянул его за край широкого рукава:

— Учитель...

Цзян Ту даже не шелохнулся, холодно отрезав:

— Ты победил в ту же секунду, как второй молодой господин Ци покинул пределы арены. То, что ты продолжил избивать его после этого, — грубейшее нарушение правил. Деревенщина неотесанная, немедленно отойди назад и не позорь меня.

Кое-как приподнявшийся с помощью слуг Ци Чжао от этих слов зашелся в яростном кашле, сплевывая на землю темные сгустки крови.

Извинения этого человека звучали издевательски покорно, но каждое его слово так и сквозило ядом. Цзян Ту нарочито громко подчеркивал сокрушительную победу своего ученика, выставляя наследника ордена беспомощной жертвой.

И что самое невыносимое — этот проклятый наставник прекрасно знал, как сильно Ци Чжао ненавидит обращение «второй молодой господин», но продолжал смаковать его при каждом удобном случае.

С виду этот Цзян Ту казался безучастным к мирской суете небожителем, но на деле оказался на редкость злопамятным, мелочным и мстительным подлецом!